

ИСТОРИЯ НАУКИ

© 1995 г., ЭО, № 6

Б. Н. Путилов

ВЛАДИМИРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ПРОППУ — 100 лет

В. Я. Пропп родился 29 апреля 1895 г. в Петербурге. Здесь же по окончании Аннинского училища поступил в 1913 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1915 г. прервал учебу, добровольно прошел шестинедельные курсы первой помощи и ухода за больными и служил санитаром в лазарете, а затем братом милосердия в полевом госпитале. Университет окончил в 1918 г. по разряду славяно-русской филологии, в 1918—1928 гг. работал учителем в петроградских — ленинградских школах, с 1926 г. стал преподавать немецкий язык в ленинградских вузах. В 20—30-х годах вел научную работу в Сказочной комиссии отделения этнографии Географического общества, в Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского, в секции фольклора Института истории искусств, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, в Институте этнографии АН СССР. С 1932 по 1969 г. работал на филологическом факультете Ленинградского университета — преподавателем немецкого языка, доцентом, с 1938 г. — профессором кафедры фольклора, в 1939 г. защитил докторскую диссертацию. В 1942—1944 гг. был вместе с университетом в эвакуации в Саратове. Некоторое время заведовал кафедрой фольклора, в 1960-е годы — кафедрой истории русской литературы. Скончался 22 августа 1970 г.

Список печатных трудов В. Я. Проппа опубликован в книге: Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975. Там же — общая статья о В. Я. Проппе: Путилов Б. Н. Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа. Дополнения к списку публикаций: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Изд. 2-е. Л., 1986. С. 5.

В 1928 г. Владимир Яковлевич Пропп, 33-летний учитель средней школы и преподаватель немецкого языка в вузах Ленинграда, автор нескольких научных статей о сказке, выпустил свою первую монографию «Морфология сказки»¹. В речи на своем 70-летнем юбилее он вспоминал, как писал эту книгу — «по ночам, на праздниках, на каникулах <...> в одиночку, ни с кем не советуясь, без всякого руководства». Рукопись он отнес сначала к Б. М. Эйхенбауму, уже тогда известному и авторитетному филологу, который, ознакомившись с нею, заметил: «Что же? Значит, все подчиняется одной закономерности? Это очень утешительно». Д. К. Зеленин со своей стороны сказал: «Это очень интересно». Итог подвел В. М. Жирмунский: «Это мы напечатаем»².

Книга вышла как 12-й выпуск неперIODической серии «Вопросы поэтики», издававшейся отделом словесных искусств Государственного института истории искусств, и встретила несколько вполне сочувственных отзывов. Спустя несколько лет, однако, когда в советском литературоведении развернулась спровоцированная партийным руководством критика так называемой формальной школы, «Морфология сказки» была объявлена книгой формалистической и с этим негативным ярлыком стала фигурировать в учебниках и теоретических трудах по русскому фольклору. К самому автору ярлык формалиста был прочно приклеен в течение лет 30. Много позднее В. Я. Пропп наконец-то получил возможность

Владимир Яковлевич Пропп

ответить на обвинения его в формализме: «Под формалистическим изучением обычно понимается изучение формы безотносительно к содержанию», но «формальное изучение нельзя отрывать от исторического и противопоставлять их», содержание «...научно и объективно возможно изучить только тогда, когда будут изучены закономерности в области художественной формы»³. Смысл «Морфологии сказки» заключался в попытке распознать структурные закономерности одной определенной группы народных сказок, которые принято называть волшебными. Ученый установил, что не фантастика (волшебство), не сюжетика, не набор повторяющихся мотивов и персонажей, но специфическое построение, единообразие композиции являются постоянными качествами этих сказок, их структурными доминантами, и именно они определяют сюжеты, состав мотивов и подбор героев. Основу композиции В. Я. Пропп обнаружил в повторяющихся типовых действиях, «поступках» персонажей. Он нашел для всего кажущегося множества сказочных действий то, что теперь принято называть инвариантами и что сам ученый назвал функциями. Возможно, что термин был выбран не вполне удачно, поскольку за функциями в фольклористике уже были закреплены другие понятия. Тем не менее слово было найдено, и означало оно — типовое сказочное действие, определяемое с точки зрения его значения для развития сюжета, для его хода. В. Я. Пропп далее установил, что в волшебных сказках имеется точное число таких типовых, инвариантных функций (а именно — 31), что «в пределах этих функций развивается действие решительно всех сказок нашего материала» и, далее, что «с логической и художественной необходимостью одна функция вытекает из другой», а отсюда — «последовательность функций всегда одинакова»⁴. Само по себе это было замечательное открытие, поскольку обнаруживался целый пучок закономерностей там, где до того видели лишь с трудом поддающийся научному упорядочению пестрый свод сходных сюжетов и мотивов.

Внимательный и непредубежденный читатель мог бы уже в самой книге найти высказывания, свидетельствовавшие о том, что автор вовсе не намерен оста-

новиться на открытии «формы» сказки, но мысль его уже направлена на поиски исторических и генетических связей функций, их элементов, на восприятие сказки как целого. Критики, поспешно обвинившие ученого в формализме, прошли мимо заключительных положений книги, намечавших дальнейшие задачи исследования и их теоретические предпосылки. В. Я. Пропп говорил здесь, что большинство элементов сказки, являющихся реализацией их функций (чудесное рождение, запреты, награждение персонажей волшебными средствами и т. д.), «восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной или иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения». Отсюда первая задача: «все эти элементы должны сперва быть изучены сами по себе», так как «каждый из них может иметь свою историю»; вторая, последующая задача — «генетическое изучение того стержня, на котором строятся все волшебные сказки»; и наконец, третья — «изучение вопроса о том, как создались отдельные сюжеты и что они собой представляют»⁵.

Так становится очевидным, что в исследовании структуры сказок В. Я. Пропп видел не самоцель, но необходимый этап в фундаментальном изучении этого замечательного явления фольклорной культуры и сквозь контуры «Морфологии сказки» уже просматривал даль второй своей монографии — «Исторические корни волшебной сказки». Более того, по свидетельству В. М. Жирмунского, редактора первого издания «Морфологии», в авторской рукописи уже содержалась глава с попыткой исторического изучения сказки, которая — по совету редактора — была снята⁶.

Все 1930-е годы В. Я. Пропп посвятил осуществлению двух первых из названных выше задач, работая одновременно над статьями, в которых выяснялись истоки и связи отдельных элементов сказок⁷, и над монографией о генезисе волшебных сказок. Она была завершена в 1939 г., защищена в качестве докторской диссертации, но вышла в свет лишь в 1946 г.⁸ Тем самым завершился длительный этап творчества ученого. Впрочем, о завершении можно говорить условно: и после 1946 г. Владимир Яковлевич занимался проблемами сказки, постепенно приближаясь к разрешению самой главной и трудной задачи — раскрытию волшебной сказки в ее исторически сложившемся жанровом, сюжетном, поэтическом виде, а также совершая экскурсии в другие сказочные сферы⁹.

И хотя грандиозная программа, набросанная В. Я. Проппом на одной из последних страниц «Морфологии», не была завершена в полной мере (на это просто не могло хватить одной жизни), наследие ученого мы вправе расценивать как наиболее значительный вклад в сказковедение XX в. И ядро этого вклада составляет диалогия из двух монографий. Внутреннее их единство сейчас очевидно, хотя за рубежом далеко не все это понимают.

У «Морфологии сказки» и «Исторических корней волшебной сказки» — не одинаковая судьба. Первая — после почти трех десятилетий непонимания и замалчивания — пережила в конце 1950-х годов как бы второе рождение, совершив триумфальное шествие по странам Европы и США. В обстановке широкого распространения идей и метода структурализма В. Я. Пропп с его книгой был воспринят как один из первопроходцев структурального подхода к анализу явлений фольклора. И у нас, и особенно на Западе влияние «Морфологии» оказалось чрезвычайно активным и плодотворным¹⁰. На фоне ее популярности «Исторические корни» оставались в тени, хотя первый (итальянский) перевод появился уже в 1949 г. Тому есть по крайней мере два объяснения: с одной стороны, не знавшие русского языка специалисты должны были довольствоваться поверхностным знакомством с идеями книги из вторых рук; с другой — увлечение структуральными аспектами снижало интерес к генетическим и историческим проблемам. Показательна позиция А. Дандеса, одного из ведущих американских фольклористов, увлеченного в свое время идеями «Морфологии» и осуществившего под влиянием ее собственное исследование индейских сказок¹¹. В апреле 1994 г., во время моего пребывания в университете Беркли, между нами состоялась неожиданная дискуссия. А. Дандес, подчеркнув новаторский характер

первой книги, довольно холодно отозвался о второй, видя в ней (как и в некоторых других работах российских фольклористов) возвращение к старым идеям мифологической и антропологической школ. Не знаю, в какой мере мне удалось рассеять недоразумение. Ведь очевидно, что никакого возврата к прежним школам не было, хотя В. Я. Пропп выступил во всеоружии знаний мировой этнографии и фольклористики. Старые вопросы — о генезисе волшебных сказок, о связях их с этнографической действительностью, с мифологией, с первобытными представлениями — он поставил на новую теоретическую основу и подошел к ним с новой методологией.

Итоги морфологического анализа сказок привели автора к убеждению, что мотивы и сюжеты их нельзя изучать «поодиночке», без отношения к целому, что все они находятся в неразрывном единстве.

Первая книга создавалась — это совершенно очевидно — вне каких бы то ни было влияний утверждавшейся в 1920-е годы в общественных и гуманитарных науках марксистской методологии и партийной идеологии. Она была одной из последних книг советской фольклористики, полностью свободной и независимой. В 1930-е годы положение радикально изменилось, и «Исторические корни» на некоторых страницах несут явственный отпечаток теоретической атмосферы тех лет. Это касается в первую очередь параграфов 4 и 5 гл. 1: «Сказка как явление надстроечного порядка» и «Сказка и социальные институты прошлого», где отношения сказки и способа производства материальной жизни декларируются с привычной для науки того времени прямолинейностью, подкрепляясь обязательными ссылками на классиков марксизма.

Между тем можно догадываться, что к пониманию сложных генетических и семантических связей сказки с социальными институтами, с обрядами и т. д. В. Я. Пропп пришел до знакомства с произведениями классиков марксизма. Обращение к трудам Ф. Энгельса в первую очередь и частично К. Маркса могло подкрепить это его понимание, утвердить в правомочности своих позиций, что было далеко не безразлично в те годы. Если же вникнуть в содержание книги, в ход анализа, во множество наблюдений, наконец — в итоги исследования, то нетрудно заключить, что автор оставался свободным и независимым в теоретическом и идеологическом плане. Критики «Исторических корней» из охранительного лагеря по-своему справедливо не поверили Проппу и обвинили его в идеализме, назвали его труд «антимарксистским по концепции», заявили, что «ссылки на Маркса, Энгельса и Ленина являются лишь прикрытием идеалистических позиций»¹². Разумеется, за этими привычными для 1940-х годов выражениями стояло намерение откровенно ошельмовать ученого. Конечно же, В. Я. Пропп не «прикрывался» цитатами, он искренно был убежден в том, что нашел у Маркса и Энгельса теоретическое обоснование своих позиций. В другое время такого рода ссылки на авторитеты ему не понадобились бы и открытие состоялось бы само.

Среди методических и теоретических посылок книги стоит обратить внимание на подбор материала и работу с ним. Практически основу его составила русская сказка, иноэтнический материал привлекался по необходимости. Но книга эта была не исследованием русской сказки, а работой по сравнительно-историческому фольклору на основе русского материала как исходного. При этом В. Я. Пропп опирался на глубокое убеждение в интернациональном характере волшебной сказки и в единстве процессов ее истории. Отсюда — ограничение в материале. Парадоксальным, но и справедливым был тезис: «Закон выясняется постепенно, и он объясняется не обязательно на этом, а не на другом материале. Поэтому фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала, и если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен»¹³. Критики книги игнорировали эти положения, даже не пожелали с ними как-то посчитаться и тут же обвинили автора в космополитизме, в отрицании национальной сущности русской сказки и т. п.

Исследование генезиса, «исторических корней» волшебной сказки как явления мировой культуры потребовало вовлечения огромной массы разнообразнейших

фактов по этнографии первобытного общества, внимательного и критического изучения трудов разных школ и направлений. Все те же критики ставили В. Я. Проппу в вину его широкое обращение к «идеалистам-позитивистам» Дж. Фрэзеру, Леви-Брюлю и др. В. Я. Пропп не был их последователем, но творчески брал у них все, что содействовало его исследованию. Его научная методология, в первую очередь его понимание принципиальных отношений сказки и этнографической действительности, характеризуются самостоятельностью и оригинальностью. Лишь в малой степени ученый признавал фактор прямых отражений, свою задачу он видел в том, чтобы выявить глубинные, сложные отношения сказок и обрядов, сказок и мифов. Для него исключительное значение имело выяснение специфических форм мышления, обуславливавших характер обрядности и мифологии, в частности — «иногое понимания пространства, времени и множества». Через всю книгу проходит осознание того, что «мы имеем дело не с застывшими явлениями, а с процессами»: это касается и важнейших представлений, с которыми связывался генезис сказок. О сложнейших отношениях сказки с действительностью В. Я. Пропп помнил и призывал помнить постоянно, предостерегая от опасности «принять мыслительную деятельность за бытовую и наоборот»¹⁴. Противники его и здесь найдут криминал, усмотрев идеализм в том, что «сказка, по его мнению, отражает не реальную действительность, а действительность, данную в обряде»¹⁵.

Основная часть книги, где В. Я. Пропп анализирует элемент за элементом типовой структуры сказки и ее стабильных мотивов, принадлежит, быть может, к числу самых замечательных страниц мирового сказковедения, а по увлекательности, напряженности сюжета и значительности результатов с нею может соперничать разве только «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера.

В итоге своего исследования В. Я. Пропп пришел к важному открытию: не просто отдельные мотивы и сюжеты волшебных сказок возводились к тем или иным фактам этнографической действительности, но сказка в ее основных конструктивных элементах, почти все основные слагаемые сказки восходят к различным социальным институтам, среди которых «особое место занимает обряд посвящения» и «большую роль играют представления о загробном мире, о путешествиях в иной мир»¹⁶. Что особенно важно — автор при этом последовательно развивал идеи глубокой специфичности этнографических связей сказки, отнюдь не прямолинейной их зависимости от обрядов и представлений.

Книга открывала широкие возможности для дальнейших исследований в предложенном ученым направлении, для творческого обсуждения его метода, в том числе и для научной критики. Первые отклики на выход книги, казалось, обещали именно это¹⁷. Однако начиналась новая кампания «закручивания гаек» в сфере культуры и науки, борьбы «за чистоту марксизма», поиск идеологических врагов, и книга Проппа стала одной из первых мишеней для охранительной критики. С сожалением приходится напоминать о неблагоприятной роли в преследовании В. Я. Проппа тогдашнего руководства Института этнографии АН СССР. На организованных в институте проработках о книге Проппа не было сказано ни одного доброго слова, она была подвергнута разносу, в первую очередь — идеологическому и методологическому. Сегодня невозможно без чувства стыда за нашу науку читать страницы отчетов о «дискуссиях», на которых почтенные ученые старались превзойти друг друга в очернении книги и опорочивании ее автора¹⁸.

Лишь годы спустя, когда изменилась сама атмосфера нашей научной жизни, признание получили и масштабы труда, и значительность концепции, и новаторский метод. Книга Проппа была справедливо оценена как первый в науке опыт соединения структурно-типологического и историко-типологического подхода ради решения генетических задач. Творческое восприятие идей книги позволило внести в концепцию «Исторических корней» поправки и существенные уточнения. Как писала Е. С. Новик, наблюдения В. Я. Проппа над отношениями сказки с обрядом инициации должны быть значительно расширены за счет выявления единой для всех переходных обрядов структуры, базировавшейся на коллизии

«смерть-возрождение», и, таким образом, привлекаемый им обрядовый материал в подавляющем большинстве случаев относится не только к инициациям, но и к свадебной и к похоронной и даже к календарной обрядности¹⁹.

Следующий этап творчества В. Я. Проппа был посвящен разработке проблем теории и истории народного героического эпоса. Здесь надо назвать несколько статей и докладов²⁰, антологию былин²¹ и главное — новую фундаментальную монографию о русских былинах²². Ученый выступил последовательным сторонником самого широкого применения к народному эпосу идей и методов историко-типологической теории. Впервые он поставил русский народный эпос в контекст устного эпического творчества в масштабах Евразии не на традиционных для фольклористики принципах генетического родства, контактных связей или самозарождения, но на признании того, что эпос как тип фольклорного творчества — со своей сюжетикой, повторяющимся набором мотивов, своими героями и своим кругом идеалов — возникает совершенно закономерно в недрах родового строя («догосударственный эпос»), затем на смену ему приходит эпос нового исторического времени («государственный эпос»); этот последний преемственно связан с эпосом первого типа, наследует и трансформирует его сюжетiku, героев и поэтику, но и вносит принципиально новое содержание, отвечающее новым историческим обстоятельствам. Русский былевой эпос как типично «государственный» сложился в процессе длительного преобразования предшествовавшего ему «догосударственного», здесь его корни и истоки, в содержании и образности былин отложились многочисленные и разнообразие архаические следы. «Государственный» эпос (былины), родившись в недрах «догосударственного», поглотил его, растворил в себе. Понять былины с их специфической сюжетикой, «своим» отношением к исторической действительности, «своими» характеристиками персонажей можно, считал В. Я. Пропп, лишь на фоне предшествующей эпической традиции, которая сохранилась в живых формах у народов Сибири и Крайнего Севера. Этот принцип он и реализовал в главах, посвященных былинным сюжетам и циклам, что позволило ему разгадать множество заключенных в былинах загадок, объяснить характерное для былин соединение фантастики с историей, прочитать заново былинные сюжеты и раскрыть происхождение героев-богатырей, обнаружить законы эпической поэтики.

Одной из центральных для книги стала проблема эпического историзма. В. Я. Пропп выступил последовательным и непримиримым противником так называемой исторической школы, представители которой искали в былинах отклики на конкретные события истории Киевской и Московской Руси, а былинных богатырей возводили к прототипам — князьям, воеводам и т. д. Ученый доказал, что былины по самой своей природе, по генезису не могли отражать и не отражали конкретных событий, не выполняли и не могли выполнять роль устных летописей: «Эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем»²³. «Любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась или отмирала». «То, что старая наука представляла себе как однократный акт создания, мы представляем себе как длительный процесс»²⁴. В. Я. Пропп опроверг и другую идею исторической школы, согласно которой первоначально возникали исторические песни, изображавшие события конкретно и правдиво, а затем они постепенно эволюционировали, насыщались фантастикой, «искажались» и становились былинами. В. Я. Пропп убедительно показал, что былины произошли не из исторических песен, а из эпических же песен архаического типа, и что жанр исторических песен представляет собою позднейший по сравнению с былинами тип народного эпоса.

Теоретические посылки ученого нашли блестящую реализацию в основных главах книги, посвященных анализу отдельных циклов и сюжетов. Новаторский характер исследования проявился в том, что автор подключил к анализу каждого сюжета совокупность вариантов, в которых он впервые увидел «частные случаи» осуществления эпического замысла²⁵. Анализ в конечном счете был направлен на

«смерть-возрождение», и, таким образом, привлекаемый им обрядовый материал в подавляющем большинстве случаев относится не только к инициациям, но и к свадебной и к похоронной и даже к календарной обрядности¹⁹.

Следующий этап творчества В. Я. Проппа был посвящен разработке проблем теории и истории народного героического эпоса. Здесь надо назвать несколько статей и докладов²⁰, антологию былин²¹ и главное — новую фундаментальную монографию о русских былинах²². Ученый выступил последовательным сторонником самого широкого применения к народному эпосу идей и методов историко-типологической теории. Впервые он поставил русский народный эпос в контекст устного эпического творчества в масштабах Евразии не на традиционных для фольклористики принципах генетического родства, контактных связей или самозарождения, но на признании того, что эпос как тип фольклорного творчества — со своей сюжетикой, повторяющимся набором мотивов, своими героями и своим кругом идеалов — возникает совершенно закономерно в недрах родового строя («догосударственный эпос»), затем на смену ему приходит эпос нового исторического времени («государственный эпос»); этот последний преемственно связан с эпосом первого типа, наследует и трансформирует его сюжетную структуру, героев и поэтику, но и вносит принципиально новое содержание, отвечающее новым историческим обстоятельствам. Русский былевой эпос как типично «государственный» сложился в процессе длительного преобразования предшествовавшего ему «догосударственного», здесь его корни и истоки, в содержании и образности былин отложились многочисленные и разнообразные архаические следы. «Государственный» эпос (былины), родившись в недрах «догосударственного», поглотил его, растворил в себе. Понять былины с их специфической сюжетикой, «своим» отношением к исторической действительности, «своими» характеристиками персонажей можно, считал В. Я. Пропп, лишь на фоне предшествующей эпической традиции, которая сохранилась в живых формах у народов Сибири и Крайнего Севера. Этот принцип он и реализовал в главах, посвященных былинным сюжетам и циклам, что позволило ему разгадать множество заключенных в былинах загадок, объяснить характерное для былин соединение фантастики с историей, прочесть заново былинские сюжеты и раскрыть происхождение героев-богатырей, обнаружить законы эпической поэтики.

Одной из центральных для книги стала проблема эпического историзма. В. Я. Пропп выступил последовательным и непримиримым противником так называемой исторической школы, представители которой искали в былинах отклики на конкретные события истории Киевской и Московской Руси, а былинных богатырей возводили к прототипам — князьям, воеводам и т. д. Ученый доказал, что былины по самой своей природе, по генезису не могли отражать и не отражали конкретных событий, не выполняли и не могли выполнять роль устных летописей: «Эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем»²³. «Любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась или отмирала». «То, что старая наука представляла себе как однократный акт создания, мы представляем себе как длительный процесс»²⁴. В. Я. Пропп опроверг и другую идею исторической школы, согласно которой первоначально возникли исторические песни, изображавшие события конкретно и правдиво, а затем они постепенно эволюционировали, насыщались фантастикой, «искажались» и становились былинами. В. Я. Пропп убедительно показал, что былины произошли не из исторических песен, а из эпических же песен архаического типа, и что жанр исторических песен представляет собою позднейший по сравнению с былинами тип народного эпоса.

Теоретические посылки ученого нашли блестящую реализацию в основных главах книги, посвященных анализу отдельных циклов и сюжетов. Новаторский характер исследования проявился в том, что автор подключил к анализу каждого сюжета совокупность вариантов, в которых он впервые увидел «частные случаи» осуществления эпического замысла²⁵. Анализ в конечном счете был направлен на

праздников с сельскохозяйственными интересами и стремлениями крестьян. Он скептически расценил опыты истолкования их в абстрактно-мифологическом плане. Разделяя в самом общем смысле трудовую теорию происхождения календарной обрядности, он нигде не упрощал проблему и не пытался проводить прямые линии от сельскохозяйственного быта к обрядовым формам, придавая исключительное значение в формировании обрядности, ее семантики представлениям древнего человека, его миропониманию и специфическим особенностям первобытного мышления. При этом автор стремился учитывать особенности дошедшей до нас русской праздничной системы: во-первых, в историко-типологическом отношении она была сравнительно поздней, исконный смысл многого в ней давно забылся, и для понимания ее нужен более архаический сравнительный материал; во-вторых, речь должна идти о языческих в своих основах праздниках, которые церковь частично запрещала, частично приспособливала к своим целям и приурочивала к праздникам своего церковного календаря, что имело свои немаловажные последствия³².

Историко-этнографическое исследование, в основе которого лежал структурно-типологический метод, позволило автору раскрыть исконный смысл религиозных и мифологических представлений и соответствовавшей им обрядовой практики и создать основу «для лучшего понимания русской календарной песенной поэзии и ее красот»³³.

К этой последней задаче В. Я. Пропп частично подступил в работе над антологией народных лирических песен³⁴. Здесь обрядовая поэзия рассматривается в составе всего обширного массива лирической песни, и В. Я. Пропп во вступительной статье нашел для характеристики различных видов песен свой подход, выявил связи их с разными сторонами народной жизни, предложил свою классификацию их, показав, что содержание песен «полно величайшего историко-общественного, этнографического и общечеловеческого интереса» и что эмоциональное воздействие определяется их высокой художественностью³⁵. Как ученый-филолог В. Я. Пропп не решался изучать песню с музыкальной стороны, но важно, что для него песня — создание в равной степени словесного и музыкального творчества. Сам он сосредоточил внимание на раскрытии поэтических особенностей лирики, «способов поэтизации» людей и жизненных ситуаций³⁶.

Четыре монографии, вместе с антологией по народной песне, с добавлением еще нескольких статей, относящихся к другим жанровым разновидностям³⁷, в совокупности составляют фундаментальный вклад В. Я. Проппа в изучение русского фольклора. Стоит подчеркнуть, что все историко-фольклорные исследования ученого проводились на хорошо продуманной, можно сказать — выношенной, цельной теоретической базе. У В. Я. Проппа рано сложились свои определенные взгляды на фольклор, его природу и сущность, его специфику, его место в народной жизни. Отдельные высказывания по этим общим теоретическим проблемам можно найти на страницах его монографий, однако они носят попутный характер. Специальной же разработке теории фольклора В. Я. Пропп намеревался посвятить особую книгу, которая должна была называться «Поэтика фольклора». Поэтику ученый понимал широко, отнюдь не сводя ее к системе художественных средств и приемов, к «форме». В архиве В. Я. Проппа сохранилась рукопись, представляющая один из первых вариантов будущей — увы, незавершенной — книги³⁸. В разное время, в период 1946—1966 гг., он опубликовал ряд статей, которые можно рассматривать как части этой книги: «Специфика фольклора»³⁹, «Принципы классификации фольклорных жанров»⁴⁰, «Жанровый состав русского фольклора»⁴¹, «Фольклор и действительность»⁴², «Об историзме фольклора и методах его изучения»⁴³. Они были собраны вместе и изданы посмертно в сборнике избранных статей ученого⁴⁴. Можно смело сказать, что в них получила достаточно ясную реализацию пропповская концепция фольклора. Мы имеем дело с единственным в советской фольклористике индивидуальным и вполне самостоятельным, оригинальным опытом такой концепции. В ряде важных моментов она расходится с общепринятой в 1930—1950-е годы, почти официальной

концепцией фольклора, противостоит иным из ее положений либо вносит в нее существенные поправки.

Правда, в одном немаловажном пункте пропповское понимание фольклора почти совпадало с утвердившимся в науке с середины 1930-х годов. Он определял фольклор как «творчество социальных низов всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились. Для доклассовых народов под фольклором понимается творчество совокупности этих народов». При этом он исключал «господствующие слои»⁴⁵. Это значит, что В. Я. Пропп ограничивал понятие фольклора рамками художественного творчества и указывал ему социальные границы. Охранительная критика все же сумела усмотреть в определении В. Я. Проппа крамолу: ему ставили в вину, что он говорит о «социальных низах», тогда как надо было — соответственно определению М. Горького — четко заявить о «трудовых угнетенных массах», о «трудовом народе»⁴⁶. Не здесь, однако, были сосредоточены самые важные идеи Проппа. Главное заключалось в подчеркнутом и последовательном выделении фольклора как «особого вида поэтического творчества», обладающего «своими специфическими структурными законами», «совершенно особой специфической для него поэтикой», т. е. своим особым отношением к действительности и своими способами выражения этого отношения⁴⁷. Все это говорилось и писалось, когда в господствовавших направлениях науки преобладала тенденция к стиранию граней между фольклором и литературой, между фольклористикой и литературоведением, когда фольклор «подверстывался» к литературе и к нему начинали применять те же критерии, вплоть до идеи социалистического реализма и требований руководства народным творчеством. И уже совсем в «ересь» впадал В. Я. Пропп, заявляя о принципиально иных, нежели в литературе, способах возникновения фольклорных произведений: «Нам все кажется, что кто-то его должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможны совершенно иные способы (...) Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»⁴⁸. В. Я. Пропп готов возвратиться — на новых методологических и теоретических началах — к романтическим категориям безличности и бессознательности фольклорного творчества.

Ученый открыто выступает против догматических взглядов на фольклор как искусство «реалистическое», т. е. непосредственно, в формах самой жизни воспроизводящее действительность. Такой подход был достаточно распространен в фольклористике и приводил к весьма поверхностным, конъюнктурным и иллюстративным работам. «Фольклор, в особенности на ранних ступенях своего развития — не бытописание (...) Действительность передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, и это мышление настолько отлично от нашего, что многие явления фольклора бывает очень трудно сопоставить с чем бы то ни было». «За реальное признается то, что мы никогда не признаем за реальное, и наоборот»⁴⁹. В статье «Фольклор и действительность» В. Я. Пропп на материале множества жанров раскрыл особенности эстетики фольклора, с характерной для нее опорой на вымысел, на условность, на традицию, с уклоном в иносказания, в символику и т. д. Тем самым ученый подчеркнул своеобразие связей фольклора с жизнью и необходимость при его изучении всегда считаться с этой спецификой, стремиться познать внутренние законы, обуславливающие его художественное своеобразие. В своих исследованиях волшебной сказки, героического эпоса, обрядовой поэзии, лирики и других жанров он дал образцы именно такого подхода, благодаря которому загадочный, внутренне богатый и сложный мир фольклорной культуры открывался в своей сущности и истории.

Осознание специфики фольклора как феномена традиционной культуры вело В. Я. Проппа к проблеме «фольклор и этнография», «фольклористика и этнография». Он был одним из тех ученых, которые сохраняли и умножали традиции русской науки, издавна рассматривавшей фольклор как важнейший и

органический элемент этнографической действительности, и готовы были отстаивать союз фольклористики с этнографией как жизненно важный для них обеих.

Относительно значимости обращения к этнографии при изучении генезиса фольклорных явлений В. Я. Пропп высказывался совершенно определенно: «Здесь этнография составляет базу изучения фольклора, и без этой базы изучение фольклора повисает в воздухе»⁵⁰. Ученый не только дал классические образцы такого подхода, но и разработал ряд методологических принципов применения данных этнографии к решению проблем генезиса фольклорных жанров. При этом он опирался на богатый опыт предшественников и современников — Дж. Фрэзера, Л. Леви-Брюля, Фр. Боаса, Д. К. Зеленина, Л. Я. Штернберга и др., — но во многом шел дальше их, так как постоянно учитывал специфику фольклора. Ему принадлежат важные соображения о способах и формах преобразования этнографических фактов в мотивы, сюжеты и образы фольклора, и эти соображения имеют значение уже для всего комплекса исторических исследований фольклорных жанров. В частности, он постоянно подчеркивал необходимость учитывать жанровую специфику, так как она во многом определяет характер отношений фольклора с этнографической действительностью. Так, исследуя пути преобразования обрядов в вербальные сюжеты и мотивы, Пропп обнаруживал — наряду с редкими «прямыми соответствиями» — типичные случаи «переосмысления», «обратной трактовки», «отрицания», т. е. различные проявления процесса трансформации как одного из главных процессов фольклорного творчества. Этот важнейший тезис Проппа оказался весьма продуктивным, и, следуя ему, фольклористы осуществили исследования, открывшие немало нового в отношениях фольклора и этнографической действительности.

Вообще заветы В. Я. Проппа о союзе фольклористики и этнографии входят ныне в теорию и практику нашей науки, обогащая и фольклорные, и этнографические исследования⁵¹.

По масштабам сделанного в науке, по конкретным результатам исследований, по богатству и значительности теоретических обобщений и методологических разработок научное наследие Проппа входит в классику отечественной фольклористики и этнографии, а имя ученого по праву должно стоять в одном ряду с именами Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского.

Примечания

¹ Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928; Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969. В дальнейшем цитаты — по второму изд.

² Пропп В. Речь на юбилее весной 1965 г. // Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 721. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 130—131.

³ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 139. Впервые опубликована на итальянском языке в качестве послесловия к итальянскому изданию «Морфологии сказки» 1966 г.

⁴ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25, 60.

⁵ Там же. С. 104—105.

⁶ Мелетинский Е. М. Послесловие // Там же. С. 134; см. также Чистов К. В. В. Я. Пропп — исследователь сказки // Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 13.

⁷ См. Пропп В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Советская этнография [далее — СЭ]. 1934. № 1—2; *его же*. Мужской дом в русской сказке // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 20. Сер. филол. наук. Вып. 1; *его же*. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3; *его же*. Мотив чудесного рождения // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. Вторая и четвертая из названных статей перепечатаны в кн.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность.

⁸ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; изд. 2-е — Л., 1986. Далее цитаты — по первому изд.

⁹ См., например: Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984 (посмертное издание книги, готовившейся автором к печати на основе специального курса, который он читал в начале 60-х годов в Ленинградском университете; *его же*. Эдип в свете фольклора // Ученые записки ЛГУ. 1944. № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9 (перепечатано в кн.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность); Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. / Подг. текста, вступительная статья и примечания В. Я. Проппа. М., 1957; Северно-

- русские сказки в записях А. И. Никифорова/Изд. подготовил В. Я. Пропп. М.; Л., 1961; Кумулятивная сказка // *Пропп В. Я. Фольклор и действительность*.
- ¹⁰ См. б этом: *Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки//Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е.*
- ¹¹ *Dandies A. The Morphology of North American Indian Folktales//FF Communications. Helsinki, 1964. V. 81. № 195.*
- ¹² См.: *Соколова В. К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии//СЭ. 1948. № 3. С. 140.*
- ¹³ *Пропп В. Я. Исторические корни. С. 22.*
- ¹⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁵ СЭ. 1948. № 3. С. 121.
- ¹⁶ *Пропп В. Я. Исторические корни... С. 329—330.*
- ¹⁷ См. рец. В. М. Жирмунского//Советская книга. 1947. № 5.
- ¹⁸ См.: *Соколова В. К. Дискуссии...; Чичеров В. Обсуждение на заседаниях ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов//СЭ. 1948. № 3.*
- ¹⁹ *Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984. С. 13.*
- ²⁰ *Пропп В. Я. Язык былин как средство художественной изобразительности//Ученые записки ЛГУ. Л., 1954. № 173. Сер. филол. наук. Вып. 20; ego же. Основные этапы развития русского героического эпоса: Доклад для IV Международного съезда славистов. М., 1958; ego же. Песня о гневе Грозного на сына//Вестн. ЛГУ. 1958. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3; ego же. «Калевала» в свете фольклора//Фольклор и действительность.*
- ²¹ Былины в двух томах//Подгот. текста, вступ. статья и примеч. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.
- ²² *Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. М., 1958.*
- Далее цитаты — по второму изд.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Там же. С. 23.
- ²⁶ Там же. С. 25.
- ²⁷ *Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины//История СССР. 1961. № 5—6. См. также: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания — былины — летописи. М., 1963. С. 43 и др.*
- ²⁸ *Пропп В. Я. Об историзме русского эпоса (Ответ академику Б. А. Рыбакову)//Русская литература. 1962. № 2; ego же. Об историзме русского эпоса и методах его изучения//Ученые записки ЛГУ. 1968. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72 (перепечатано с сокращениями: *Пропп В. Я. Фольклор и действительность*). См. также: *Путилов Б. Н. Концепция, с которой нельзя согласиться//Вопросы литературы. 1962. № 11.**
- ²⁹ *Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 17—18.*
- ³⁰ См.: *Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 137.*
- ³¹ *Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963. С. 12.*
- ³² Там же. С. 4—5, 136.
- ³³ Там же. С. 136.
- ³⁴ Народные лирические песни/Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. Л., 1961.
- ³⁵ Там же. С. 43.
- ³⁶ Там же. С. 43—59.
- ³⁷ См., например: *Пропп В. Я. Славянская историческая баллада (рец. на книгу Б. Н. Путилова «Славянская историческая баллада», 1965)//Вопросы литературы. 1966. № 11; ego же. Труды академика И. И. Толстого по фольклору//Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966; ego же. Проблема смеха и комизма//Ученые записки ЛГУ. Л., 1971. № 355. Сер. филол. наук. Вып. 76; ego же. Змеборство Георгия в свете фольклора//Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.*
- ³⁸ *Пропп В. Я. Поэтика. Книга//Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 721. Оп. 1. Ед. хр. 16.*
- ³⁹ См.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. Л., 1946.
- ⁴⁰ См.: СЭ. 1964. № 4.
- ⁴¹ См.: Русская литература. 1964. № 4.
- ⁴² См.: Русская литература. 1963. № 3.
- ⁴³ См.: Ученые записки ЛГУ. Л., 1968. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72.
- ⁴⁴ *Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи/Сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1976.*
- ⁴⁵ Там же. С. 18, 19.
- ⁴⁶ *Кузнецов М., Дмитраков И. Против буржуазных традиций в фольклористике (О книге проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»)//СЭ. 1948. № 2. С. 231.*
- ⁴⁷ *Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 20—21.*
- ⁴⁸ Там же. С. 21—22.
- ⁴⁹ Там же. С. 26—27.
- ⁵⁰ Там же. С. 28.
- ⁵¹ См., например. серию сборников под общим заглавием «Фольклор и этнография» Института этнографии АН СССР: Ленинград, сборник «Фольклор и этнографическая действительность». Л., 1992; монографии: *Еремьина В. И. Ритуал и фольклор, Л., 1991, Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность, Л., 1988. ego же. Фольклор и народная культура. СПб., 1994 и др.*

Vladimir Yakovlevich Propp is a Hundred Years Old

Vladimir Yakovlevich Propp (1895—1970), Doct. Philol., Professor of the Leningrad State University, was the author of the monographs: *Morphology of the Folktale* (1928; 2d ed. 1969); *Historical Roots of the Fairy-Tale* (1946; 2d ed. 1986); *The Russian Heroic Epic* (1955; 2d ed. 1958); *The Russian Agrarian Festivals* (1963).

He revealed the structure of the fairy-tale and established its genetic ties with the archaic ceremonialism, above all, with the initiation rites and the archaic notion of death. V. Propp was the first to apply the structural-typological methodology to the study of verbal folklore, aptly combining it with historical-typological method. He was also the one to employ this methodology in his research into the Russian epic (bylinas).

V. Ya. Propp demonstrated the recurrence of certain structural folkloric elements in the annual cycle rituals, tracing their connection with archaic notions. His ideas about the origin, structure, and artistry of verbal folkloric forms were developed in his many articles which had been collected in the posthumous book «Folklore and Reality» (1976).

The ideas, research methods and writings of Propp's continue to exert their influence on contemporary folkloristics, and he ranks side by side with such classics of Russian scholarship as F. Buslayev, A. Potebnya, and A. Veselovsky.

B. N. Putilov